Исламская история: эпоха великих испытаний

https://russ-muslim.livejournal.com

1439

Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного!

Тот из врагов Аллаха, кто думает, будто умма мусульман доживает свои последние годы, должен знать, что её положение сегодня ничуть не труднее, чем во времена крестовых походов и монгольского нашествия. Но история Ислама на этом на закончилась, наоборот – после каждой трудности Аллах обещал нам облегчение и подъём.

Следующая пара статей – это часть отредактированного мною варианта исторического анализа одного покойного брата-мусульманина. Со многими его словами и поступками я не согласен до сих пор, но сам анализ считаю вполне грамотным.

«Неизвестный доселе никому, дикий кочевой народ, северные варвары» – именно так описывали этот народ многие историки той эпохи (7 век по хиджре). Выйдя из монгольских степей, язычники за несколько лет смогли разгромить династию Цзинь в Китае, начав против них беспощадную войну с 1211 года. Китайцы не учли одного – варвары пришли в этот раз не с тем, чтобы забрать рис и шёлк, а с тем, чтобы забрать всё.

Один из парадоксов взаимоотношений китайцев с кочевниками состоял в том, что монголы докончили Великую китайскую стену, которая была сооружена именно для обороны от них. Это строительство, начатое в 3 веке до «новой эры», завершилось только в 1260 году при монгольской династии Юань. На строительные работы ушло более миллиарда кубометров камня — это объём 120 египетских пирамид Хуфу. Сооружение этого памятника языческому идиотизму

ускорилось незадолго до того, как правитель гуннов, шаньюй Модэ настолько потерял страх перед китайцами, что предложил императрице Поднебесной стать его супругой. Расчёт был простой – в качестве приданого невесты гунны видели весь Китай. Правда, китайцы так и не согласились выдать императрицу замуж за варвара, но зная о возможных последствиях отказа, решили укрепить оборону границ. Впоследствии даже инициатор «стройки тысячелетия» император Ци Ши-хуанди понял бесполезность этой стены – для её охраны не хватило бы всей регулярной армии Китая. Очевидный исторический ляпсус сегодня является доходной статьей китайского турбизнеса, но я почти уверен в том, что этот проект до сих пор себя не окупил.

Кстати, вернувшись к личности идолопоклонника Модэ, правителя гуннов в 3-2 веках до «нашей эры», стоит отметить его изобретательность. Именно он придумал глиняные свистульки, которые крепились к стрелам и в полёте издавали оглушительный визг, психологически воздействовавший на воинов Китая. Позже этот принцип взяли на вооружение все, кому не лень, – и сегодня мы слышим пронзительный свист миномётных снарядов в воздухе во многом по вине того языческого изобретателя.

Китай и восточное государство тангутов пали в течение нескольких лет, и рубежи Монгольской империи вплотную приблизились к Хорезму, правителем которого был хорезмшах Мухаммад. «Я думаю, что смуты, подобной этой, не было на земле со времён Адама» – пишет Ибн Асир в своём труде «аль-Кямиль».

Многобожники не могли не бояться того, что война с Исламом чревата поражением для них, и посему готовились к ней более тщательно, чем ко всем остальным походам. Первая стычка мусульман с монголами вспыхнула при погоне вторых за остатками племени меркитов, которые так и не нашли пристанища в Средней Азии и были погублены монголами. В этой борьбе за трофеи меркитов никто не одержал победы – и язычники растворились в ночи, оставив костры непотушенными.

Из этого столкновения сделали выводы только монголы — они решили, что надо ждать и провести разведку. Вскоре они отправили посланцев к шаху Хорезма Мухаммаду, попросив мира и возможности торговать на землях мусульман. Ничего не подозревающий шах дал им добро, и именно здесь берёт начало ручей мусульманской крови, который спустя год перерос в большую бурную реку.

Что было дальше? Монголы отправили корпус разведки под видом торгового каравана; его задача была в том, чтобы разузнать всё об оборонительном потенциале городов Хорезма. Но в первом же городе, куда они прибыли, правитель Отрара (оазиса в среднем течении Сырдарьи), раскрыв их коварные намерения, приказал схватить и казнить всех вражеских соглядатаев. Спасся только один монгол, который через много дней странствий явился в ставку Чингисхана.

До сих пор нет единого мнения о том, кто же развязал войну многобожников с мусульманами, кто из них сделал первый ход. Историки Ислама также разошлись в этом вопросе, и странно, что некоторые из них возлагают вину на мусульман.

Я не хочу оправдывать Хорезм той эпохи, так как само государство стояло на грани того, чтобы принять рафидитскую ересь (шиизм), а суфии различных тарикатов пустили настолько глубокие корни в его обществе, что вырвать их могла только могучая внешняя сила. Мало того, Хорезм не подчинялся багдадскому халифу и продолжал вести кровопролитные войны с халифатом, в которых успех не сопутствовал ни одной стороне. Ибн Асир подробно останавливается на этой теме, освещая заблуждения и грехи мусульман той эпохи (из-за чего Аллах и наказал их монгольским игом), но я решил быть краток.

Так кто же начал войну? Лично я склоняюсь к тому мнению историков, что её пламя разожгли монголы и никто иной. Кто-то может быть не согласен с поступком амира Отрара, но он поступил вполне законно и правильно, убив лазутчиков куфра. Мы поймём, что монголы представляли прямую и явную угрозу Средней Азии, если изучим карту земель, оккупированных ими на тот момент. На севере варвары подошли вплотную к Сибири, безлюдной, нищей и неуютной по сравнению с южными странами. Юг и восток пали под ударами армии Чингисхана, Китая уже не существовало, а отряды монголов под командованием Урянх-Кадая, посланные в джунгли Юго-Восточной Азии, несли там огромные небоевые потери. За пять лет похода его армия потеряла 80 процентов (!) изначального состава, и только умение монголов вовлекать местных жителей в свою борьбу спасло эту экспедицию от полной гибели.

Итак, у язычников не было другого варианта расширения новой державы, кроме как за счёт земель мусульман. Кроме этого, безумные

кяфиры мечтали о покорении всей земли «до последнего моря». В пользу этого говорят слова самого Чингисхана в «Сокровенном сказании»: «Я хочу, чтобы весь мир превратился в монгольскую степь, где паслись бы стада, а монголки кормили грудью детей». Именно эти высказанные вслух мысли повелителя монголов, которым никогда не сбыться по Воле Аллаха, лучше всего выражают амбициозные планы кочевников. Именно к «последнему морю» устремились отряды монголов, дошедшие до западных Балкан, и сдержать их ярость могла только смерть сына Чингисхана Угедея, тогдашнего правителя Монгольской империи. Именно это событие уберегло от нашествия язычников Рим, до которого им оставалось всего несколько сот километров.

Кстати, даже такие историки, как Хара-Даван и Гумилёв, обожавшие монголов, упустили эту фразу Чингисхана и назвали зачинщиками войны мусульман. Но не будем недооценивать опыт хорезмшаха Мухаммада в политике – он прекрасно понимал боевые возможности монголов и был наслышан об их поразительных военных успехах. Ведь то, что Чингисхан объединил вокруг себя все племена Монголии и нанёс поражение китайцам, не могло не беспокоить мусульман.

Шейх-уль-ислам Такыйю-д-Дин Ахмад Ибн Таймия когда-то сказал: «Поистине, Аллах утверждает на земле государство кяфиров, если оно справедливо, и разрушает государство мусульман, если оно несправедливо». И если мы трезво посмотрим на политику основателя Монгольской империи, то найдём много примеров его справедливого отношения к подданным, из-за чего, возможно, Аллах и возвысил его народ над другими народами той поры. Но при всём том Чингисхан

оставался многобожником, поклоняющимся небу, и ставил языческие традиции монголов выше законов Аллаха. В своей «Ясе» он выдумал нормы против мусульман, записав, в частности, следующее: «А тот, кто режет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого». Что же касается монголов, то они резали убойный скот через грудь, вырвав сердце, чтобы и капли крови не пролилось на землю.

После смерти своих шпионов в Хорезме Чингисхан пришёл в ярость и потребовал от правителя Мухаммада выдать ему амира Отрара и вернуть всё, что было отнято у монгольского каравана. И здесь шах Мухаммад проявил мужество и отказал посланцам хана. Когда же те начали грозить ему войной, он приказал убить их. Можно спорить о том, насколько он был прав по шариату, ведь Посланник Аллаха (мир ему и благословение Аллаха) не казнил представителей лжепророка Мусайлимы даже тогда, когда они заявили о «пророческой миссии» последнего. Пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха) сказал: *«Мне не было приказано убивать послов»*. Но то, что шах Мухаммад казнил монгольских гонцов, я считаю оправданным поступком, так как те вели себя перед ним надменно и вызывающе. Подобное с кочевниками повторит ещё один мусульманин – Бейбарс, который казнит в Каире монгольских делегатов и вывесит их головы на воротах города. Сейчас мало что осталось от крепостных сооружений древнего Каира, но этот фрагмент городских стены и ворот до сих пор помнит капавшую с них кровь язычников.

Реакция Чингисхана была незамедлительной – он отправил шаху письмо: «Ты хотел войны – ты её получишь», после чего начал

приготовления к войне против религии Аллаха, намереваясь отомстить мусульманам. Эти события датированы бурным 1219 годом, когда никто и не думал о том, что монгольские войска смогут победить армию Хорезма, которая в два раза превышала их численность. Вообще-то цифры приводятся разные – кто-то из историков писал, что хорезмшах мог выставить до 400 тысяч воинов против 120 тысяч монгольских язычников. Но данные о мусульманах явно завышены, или же хронисты посчитали примерное количество вооружённых мусульман при поголовной мобилизации. Но мы знаем точно, что монголы могли снарядить в поход только 100 тысяч кочевников из Великой степи, плюс конгломерат из покорённых народов — таких, как тангуты, чжуржэни и другие.

Спустя два года после начала наступления монголов Ибн Асир говорил: «Я не хотел писать об этих событиях, так как не думал, что по прошествии времени кто-то поверит тому, будто за два года монголы истребили пять миллионов мусульман, но это истинно; и все, кто жили в то время, могут свидетельствовать об этом».

Шах Мухаммад решил держать оборону в городах и не выходить из крепостей для генеральной битвы, и эта ошибка стоила ему целого государства. Кяфиры развернули атаку с двух главных направлений; Джебе, полководец Чингисхана, преодолев горные перевалы, зашёл в тыл армий Хорезма и нанёс удар там, где его меньше всего ждали. Основные части неприятеля наступали с востока и осадили всё тот же Отрар, который пал только через полгода, после чего этому городу не было суждено возродиться, как и многим другим.

Монголы двигались дальше, сметая всё на своём пути, и многие города мусульман открывали перед ними ворота руками нечестивых амиров и мулл, готовых на любые сделки с язычниками ради шкурной выгоды. Учёные ереси, продажные имамы и лицемеры сообща «родили на свет» план, который развалил и без того плохо сплочённое сопротивление муджахидов. Главная идея, которую запустили в массы псевдоучёные, продавшиеся монголам, была стара как мир – они объявили, что монголы есть те самые народы Я-джудж и Ма-джудж (Гог и Магог в библейском варианте), борьба с которыми бесполезна и самоубийственна. Другие говорили о том, что у мусульман нет силы противостоять кяфирам, а потому для блага религии нужно сдаться и принять все их условия, чтобы вред от их нашествия был минимальным. Как мы видим, идеи пораженцев прошлого не отличались от идей пораженцев настоящего времени.

Этот внутренний удар по мусульманам привёл к тому, что 50-тысячная армия, которую хорезмшах Мухаммад послал на помощь Бухаре, разбежалась без боя, даже не дойдя до стен города и не встретив ни одного монгола. А что ещё более сгустило тучи над религией Аллаха — то, что за год до этого, в 1218 году, против мусульман отправился пятый крестовый поход, в результате которого после продолжительной осады портовый город Думьят (Дамьетта) в Египте перешёл в руки кяфиров. Там же стал шахидом, если пожелал Аллах, брат Саляху-д-Дина аль-‘Адиль, и в 1219 году, с началом наступления Чингисхана на исламские земли, мусульмане Палестины решили, что Иерусалим для них вновь будет потерян. Тогда они

всерьёз вознамерились срыть стены всех крепостей, так как никто не думал о противостоянии кяфирам.

Но и здесь Аллах не допустил того, чтобы исламскую умму взяли в клещи – и вот, необъятная армия франков, вымотанная осадой аль-Кудса, просит у муджахидов мира и спокойного отбытия домой.

Большой стратегической ошибкой армии Хорезма было то, что они заняли оборону, уверенные в прочности крепостных стен. Но монголы были готовы к такому повороту событий и привели сюда лучших инженеров Китая с их баллистами и катапультами, некоторые из которых могли метать камни весом до 90 килограмм. Непрерывный обстрел стен городов не давал муджахидам защищаться, а тараны для пробоя ворот монголы подняли на новый технический уровень. Но даже не это явилось главным козырем многобожников в войне против религии Аллаха, а старая тактика, принёсшая им победу на берегах Хуанхэ. Что же это было такое? До окончательного штурма города язычники сгоняли в толпу пленных из близлежащих деревень и именно их отправляли на приступ первыми. Заложники, подгоняемые саблями монголов, засыпали рвы и первыми лезли на стены укреплений. И многие защитники города опускали руки, не желая вести бой против «своих». Это же повторилось в Средней Азии и опять принесло монголам успех; и даже Ибн Таймия потом разрешит пробивать этот «живой щит» из мусульман, за которым прячутся враги Аллаха.

Именно в те дни, как повествует Ибн Асир, муджахиды Бухары собрались в бой, и с ними были последние праведные учёные и чтецы Корана. Они приняли решение атаковать лагерь врага под стенами

Бухары и почти все дали присягу погибнуть за это, понимая то, что если они не выйдут против язычников, то рано или поздно продажные правители Бухары сами распахнут городские ворота перед монголами. Ибн Асир написал так: «И они, собравшись вместе, решили нанести удар по врагу, и, открыв ворота Бухары, армия муджахидов города бросилась на лагерь монголов; и было их свыше 50 тысяч человек». Монголы стали отступать, и это воодушевило бухарских муджахидов: они бросились вперёд, расстроив ряды противника. Но так как они не имели единого командования, а этот манёвр монголов был всего лишь ловушкой, поражение армии последних воинов Бухары являлось только вопросом времени. Монголы окружили их, и до поздней ночи бушевал кровавый бой; никто из тех мусульман не вернулся назад, и многие приняли смерть на пути Аллаха, сдержав их обещание перед Господом миров.

На следующий день после этого разгрома муджахидов старейшины города сдали его монголам без боя. Вскоре пал и Ургенч (Гургандж), который кяфиры утопили в водах Джейхуна, направив течение реки на город; высота паводка достигла семи метров и большинство воинов Ургенча стали шахидами, если на то была Воля Аллаха.

Шах Мухаммад умер на неизвестном островке Каспийского моря, не имея даже одежды для савана, хотя до этого он владел несметными богатствами Хорезма. После этого монголы вбили себе в головы мысль, что нет более лёгкого противника, чем мусульмане, и утроили своё наступление на исламские земли. У них был статус армии, которую никогда никто не победит, и лжеучёные Ислама активно уверяли в нём мусульман, однако вскоре этот миф рухнул под ударами

мечей муджахидов возле небольшого городка Перван. В этом месте мусульмане, чьи имена знает один лишь Аллах, испытали мечами и копьями ореол «непобедимости» кяфиров – и он лопнул, как мыльный пузырь.

Именно там собрались последние муджахиды Средней Азии, которые ещё не потеряли боевой дух после десятков побед монголов над мусульманами. Военачальником храбрецов стал сын шаха Мухаммада, Джалялю-д-Дин. И хотя численность муджахидов была велика, среди них тоже витала легенда о том, что монголы «непобедимы», а противостоять им готовились 40 тысяч кяфиров под предводительством приёмного сына Чингисхана Шихи-Хутаху нойона.

Сражение при Перване шло с переменным успехом три дня, а на четвёртый день монголы хитростью решили сломить дух мусульман – они привязали к каждой запасной лошади тюк войлока, так, что он напоминал сидящего в седле человека, «умножив численность» армии в два раза.

И тогда муджахиды зароптали, что к монголам прибыла подмога и необходимо отступать. Но Джалялю-д-Дин выхватил меч и помчался на авангард вражеской армии, остальные последовали за ним. Когда же обман вскрылся, это ободрило мусульман, и в итоге Аллах дал им первую победу с начала войны против степных варваров. Из сорока тысяч монголов уцелели не более 4 тысяч человек, спасшихся бегством, среди которых был и приёмный сын Чингисхана, «великий» полководец, одержавший немало побед над китайцами. Остальные

язычники просили пощады, прятались в канавах, где их находили воины Аллаха и, по признанию историков, «резали, как баранов».

Чингисхан кипел гневом, видя, что слава «непобедимой армии» растоптана в пыли и многие теперь поняли, что монголы — всего лишь обыкновенные люди. Он бросил новые войска для битвы с Джалялю-д-Дином, но и новая армия монголов проиграла жестокую битву под Кабулом (столица нынешнего Афганистана). Тогда Чингисхан пошёл ва-банк и двинулся на территорию Синда (современный Пакистан) со всей монгольской армией, почуяв угрозу не только оккупации Средней Азии, но и самому существованию его империи.

Но Аллах наказал мусульман за любовь к мирской жизни, и их армия распалась. Повелитель турок поспорил с туркменами за трофейные доспехи, снятые с одного из монгольских ханов, и завязалась драка. В ходе ночной потасовки было убито 17 мусульман, а наутро турки увели свои войска далеко на запад, бросив Джалялю-д-Дина. И хотя в рядах муджахидов оставались персы, туркмены, пуштуны, кыпчаки, но уход турок предопределил исход битвы. Золото и серебро ослепили разум амиров мусульман, и через несколько дней всех их настиг гнев Аллаха…

Несмотря на уход большей части армии, Джалялю-д-Дин решил принять бой и расположил исламские войска так, чтобы никто не мог отступить – позади них был обрыв, под которым текла бурная река Инд, а с остальных трёх сторон их окружили монголы. Но выбор у мусульман, борющихся за правое дело, всё равно был: это одна из двух наград — победа или смерть на пути Аллаха.

Сам Чингисхан понимал, что муджахиды будут стоять насмерть, и все попытки подавить их сопротивление не увенчались успехом. В бой были брошены все силы монголов, никто не остался в стороне, кроме «тысячи кэшиктенов», личных телохранителей монгольского хана. А так как сражение во второй половине дня складывалось успешно для мусульман и ряды монгольской армии дрогнули, Чингисхан бросил в бой свою личную охрану, и только это решило исход битвы.

Мало кто из историков упоминает о пленных мусульманах в битве на берегу Инда – монголы просто не брали пленных, настолько их взбесило упрямство муджахидов. Из 30 тысяч мусульман почти все приняли героическую смерть в том бою, вместе с ними погибли и их семьи, но Джалялю-д-Дин аль-Хорезми смог уйти – разогнав коня, он прыгнул в воды Инда и выплыл на другой берег, «не покидая седла, со щитом на спине и знаменем в руке». Чингисхан, видя это, запретил монголам преследовать его и сказал им: «С него надо брать пример!» Впереди храбреца ожидали ещё долгие годы войны против язычников, но такой армии ему впредь никогда не будет суждено собрать.

Хорезм пал окончательно и бесповоротно, миллионы мусульман погибли, ещё большее число их попало в рабство. Что же касается тех доспехов, из-за которых рухнуло мусульманское единство, то они вновь вернулись к монголам. Эти трофеи затмили разум амиров муджахидов, посеяв среди них смуту, которая лишила их помощи от Аллаха.

Ибн Асир писал: «Унижение мусульман достигло предела – одного монгола боялись десятки человек. Ко мне прибыл свидетель тех событий, который рассказал, что когда они выезжали из тех земель, их нагнал монгол на коне. И хотя мусульман было больше десяти человек, монгол приказал всем связывать друг другу руки, и все начали выполнять этот приказ. Он (рассказчик) был единственным, который призывал не подчиняться этому монголу и не бояться, но его никто не послушал. Тогда он позвал этого монгола, сказав, что у него есть драгоценности, и когда тот свесился с седла, он выхватил кинжал и заколол язычника. После чего оседлал его коня и призвал мусульман развязать друг друга, но его никто не послушал, так как все изъявили желание стоять и ждать другого монгола».

Монголы не решились идти дальше, поскольку на границе с Индией они не смогли взять город Мультан и прекратили продвижение на юг. Это удалось намного позднее уже Бабуру, основателю династии Великих Моголов. После этих событий оккупация земель Ислама остановилась, и ещё несколько десятилетий монголы не обращали взоры в сторону Халифата, чувствуя исходящую от него опасность.

Далее монголы пошли на север Ирана, желая пересечь Кавказ. Для этой экспедиции Чингисхан выделил своих лучших полководцев – Джебе и Субедея во главе 20-тысячной армии. В 1221 году полчища монголов окружили Казвин, родной город великого хадисоведа Ибн Маджи, и, после долгой осады, пробили ворота и ворвались внутрь, где встретили яростное сопротивление муджахидов. Конница была бесполезна на узких улицах, а мусульмане выбрали для боя длинные

кинжалы, которые позволяли им драться даже в тесноте городских построек. Потеряв несколько тысяч воинов, язычники всё же смогли подмять город под себя, а затем двинулись дальше. Под их ударами пали и Рей, и ряд других городов северного Ирана, и вскоре кяфиры вышли прямо к городу Тебриз.

Что было потом, осталось загадкой для западных историков; монголы даже не пытались взять город – они повернули коней вспять, и их дальнейший маршрут лежал через Грузию. Ответ на этот вопрос дал Ибн Асир: «Когда монголы подошли к городу Тебриз, все муджахиды города взобрались на стены и подняли знамя джихада, открыто объявив его врагам Аллаха».

Это знамя и решимость мусульман сражаться до конца устрашили язычников по Воле Аллаха, и их сердца затрепетали, из-за чего Джебе и Субедей отдали приказ отступать. Кони монголов развернулись, а за спинами кяфиров над стеной непокорённого города реяли чёрные знамёна Ислама.

Далее они разбили наголову грузинское войско, прошли через Дербент, взяв местных старейшин в заложники, и спустились в низовья Терека. Но там их уже поджидали союзные отряды алан и кыпчаков, которых монголам не удалось победить. Только подкупив кыпчаков, чтобы те покинули алан, они нанесли последним сокрушительное поражение. Потом они испробовали свои силы на городе Магас, столице аланов, но, поняв бесперспективность этой затеи, быстро двинулись на север. Они ещё вернутся туда спустя годы, чтобы разрушить этот город, о местонахождении которого до сих пор идут споры в кругах историков. Далее их отряды ринулись вслед за

продажными кыпчаками, а те стали искать помощи у славян (русичей), которых с кыпчакским ханом Котяном соединяли родственные узы. Но в битве на реке Калка в 1223 году монголы одержали очередную крупную победу, разбив в пух и прах 80-тысячную армию русских князей и «половцев» (как славяне называли кыпчаков).

Однако триумфальное шествие монгольских орд было прервано мусульманами Волжско-Камской Булгарии, которые нанесли по врагу упреждающий удар. Джебе и Субедей с остатками их войск ушли в ставку Чингисхана, а военные неприятности в Поволжье решили замолчать – ни в китайских хрониках, ни в «Сокровенном сказании» монголов про это нет ни единого слова. Но от Ибн Асира и от историков Булгарии сегодня мы знаем о той блестящей победе мусульман.

Но кяфиры не смирились с этим поражением, которое они привыкли получать только от воинов Аллаха, – и через 13 лет в Булгарию были посланы лучшие отряды ханов Бату, Гуюка и Мункэ. В итоге 120-тысячная армия Иблиса стяжала победу над мусульманами, за ними настал черёд христиан. 4 марта 1238 года в битве на реке Сити русский князь Юрий Всеволодович потерял голову в прямом и переносном смысле, а там уже никто не мог обуздать ярость монголов.

Однако смерть монгольского полководца и законодателя Чингисхана остановила расширение империи варваров. Безумный кяфир мечтал быть бессмертным, чтобы вечно править миром, для чего созывал к себе колдунов со всех концов империи, но никто не смог дать ему требуемое. Ведь Аллах сказал:

«И Мы не даровали бессмертие никому из людей до тебя; если ты умрёшь, то неужели они будут жить вечно?» (21:34).

Эти слова Творца были обращены к Его наилучшему творению, пророку Мухаммаду, и если он не остался жить на земле до Судного Дня, то что тогда говорить о других? Пусть он Чингисхан, пусть он Кунта-хаджи – кем бы он ни был, для Ангела Смерти он всего лишь очередная жертва.

И старый идолопоклонник, вообразивший себя «покорителем Вселенной», испустил дух в 1227 году в земле тангутов, откуда он собрался в новый поход. Не сразу его преемники осмелились продолжить войну против Ислама и решили пока что утвердить власть монголов в других уголках империи. Причина смерти врага Аллаха до сих пор неизвестна, и версий огромное множество – от болезни и падения с лошади на охоте до удара молнией. И сказать честно, я сам хотел бы, чтобы правдой было именно последнее, ибо этот шайтан заслуживал такого наказания.

На этом закончилась первая фаза войны монголов против религии Аллаха, но вторая не заставила себя долго ждать, и вот — грязные руки кяфиров потянулись к Багдадскому халифату. К тому времени они были уверены, что победили Ислам везде, кроме Ближнего Востока, и предвкушали то, как копыта монгольских коней пройдут по священным землям Хиджаза…

“В 1253 году на очередной курултай (съезд кочевой знати) собрались правители империи, раскинувшейся от Тихого Океана до

Средиземного моря и Центральной Европы. Именно тогда монголы, мнящие себя «повелителями мира», договорились между собой нанести чудовищный удар по Исламу и мусульманам, после которого, как они полагали, можно будет забыть об этой религии. Было принято решение «очистить» от мусульман Иерусалим и разгромить Багдадский халифат, а во главе этого похода встал хан Хулагу, пылкий сторонник буддизма. Вообще-то «мирная религия» буддистов не одобряет завоевательные походы, но Хулагу не придал этому большого значения, считая, что религия не должна быть помехой для личных амбиций.

Сопровождать Хулагу в этом походе вызвались те, в чьи интересы также входила непримиримая борьба против Ислама, – его жена Докуз-хатун и полководец Кит-Буга нойон, оба ревностные христиане. Узнав об этом, христиане Передней Азии поспешили оказать монголам помощь в деле геноцида мусульман, и на встречу с Хулагу прибыл Гетум Первый, царь Малой Армении. Неудивительно, что в договоре, который монголы заключили с ним, были два главных требования христиан:

– «освободить» святую землю от мусульман;
– покончить с Багдадским халифатом.

В 1256 году объединённое войско христиан и язычников, превышавшее 100 тысяч человек, выдвинулось из Средней Азии. За несколько лет до этого муджахиды Египта с трудом отразили новый удар крестоносцев. Армия седьмого крестового похода, которым руководил французский король Людовик Девятый, овладела портом Думьят и крепостью Мансура. Однако в 1250 году, не дойдя до Каира,

кяфиры были разгромлены мусульманами. Король и многие рыцари попали в плен; их шкуры вернули Европе за астрономическую сумму 200 тысяч ливров.

В 656 году по хиджре, или в 1258 году по григорианскому календарю, Багдад пал по причине предательства шиитов и варвары целый месяц грабили город, оставив нетронутыми только храмы и имущество местных христиан. Позже великий мусульманский историк и толкователь Корана Ибн Кясир напишет об этом так: «…как сообщили некоторые, в Багдаде было убито до двух миллионов мусульман в течение месяца… Их тела разлагались в жаре, и, когда облако трупного смрада дошло до Сирии, всякий, кто вдыхал этот воздух, падал замертво… Когда спустя месяц уцелевшие выбрались из ям и мусорных куч, их погубил трупный смрад и выжили только единицы».

Последний халиф мусульман аль-Муста'сым биллях бин аль-Мустансыр и его сыновья были убиты, и Халифат рухнул, но за штурм Багдада кяфиры заплатили очень дорого – немало врагов Аллаха полегло на его тесных улицах под ударами мечей и копий муджахидов. Многие дома превратились в крепости, и подавить последние очаги сопротивления мусульман монголам удалось только спустя неделю боёв в черте города. Ибн Асир писал об этом: «Муджахиды превратили дома и армейские здания в крепости, заблокировав входы, которые монголы поджигали и только после этого шли на штурм. Даже потеряв первые этажи, ожесточённую борьбу вели на верхних этажах; мусульмане проявляли упорство и сражались до конца».

Конечно, сейчас, по прошествии стольких веков, трудно представить себе то, как за один месяц могло погибнуть такое количество мусульман, сложно вообразить себе пылающий Багдад и последний бой его защитников. Но эта наша история, которую мы не имеем права забывать; и хотя сегодня кяфиры тоже истребляют мусульман, но до тех зверств им ещё очень далеко. Немецкий писатель 20-го века Эрих Мария Ремарк сказал: «Смерть одного человека – это смерть, а смерть двух миллионов – только статистика». И был в чём-то прав – можно подробно расписать смерть одного, сделать из этого трагедию, выбить слезу у читателя, но… гибель двух миллионов мусульман так и останется четырьмя словами на листе. Ты можешь называть любые цифры, но пока эта трагедия не восстанет в лицах, пока не будет конкретизирована в том или ином человеке, она останется сухой статистикой для многих читателей…

С этого момента всем кяфирам казалось, что солнце Ислама уже на закате и никто не спасёт мусульман от смерти или позорного рабства. Впереди — пустыни Шама и Аравии, ещё один рывок, и религия Аллаха будет похоронена в могиле истории. Войска христиан рвались в бой, полагая, что Европа им поможет, и в недалёком будущем тысячи церквей появятся на костях мусульман Ближнего Востока.

Тогда многие мусульмане бросились в бегство, считая, что близок конец религии Аллаха на земле, что монголы и есть тот проклятый народ Я-джудж и Ма-джудж, противостоять которому бессмысленно. А лицемеры пользовались этим мифом, помогая монголам одной рукой, а второй удерживая от борьбы тех, кто ещё был готов встретить врага мечами и стрелами. Тогда ещё не появился на свет

великий учёный Ислама и муджахид Ахмад Ибн Таймия, под руководством которого спустя век будут сокрушены отряды Газан-хана, но его родители бежали в Сирию после падения Халифата.

Монголы не остановились на достигнутой победе – и христианско-языческий альянс вторгся в Сирию, окрылённый победой над Халифатом. На муджахидов, которые сдались в плен, кяфиры глядели как на врагов, не заслуживающих доверия, – вливая в их глотки растопленный свинец. Известный историк Л. Гумилёв написал о продвижении монголов на запад Азии следующее:

«Султаны династии Эюбидов в Месопотамии и Сирии, несмотря на несомненную доблесть, стали жертвами монголо-христианского союза. Потомки доблестного Юсуфа Салаху-д-Дина, отнявшего у крестоносцев Иерусалим в 1187 г. и отразившего Ричарда Львиное Сердце в 1192 г., обарабившиеся курды, не обладали способностями основателя династии и проводили время в междоусобных войнах, даже вступая в союзы с крестоносцами против единоверцев и родственников. В этой войне проявилось большее, чем когда-либо ожесточение, потому что монголы стали практиковать мучительства при казни пленных, чего до тех пор не наблюдалось. Похоже на то, что они заимствовали некоторые малопочтенные обычаи своих ближневосточных союзников. Мусульманские мечети в Алеппо, Дамаске, Хаме, Хомсе, Баниясе горели, а христианские храмы украшались трофеями. Весна 1259 г. застала монгольское войско у Газы. Казалось, что дни господства ислама сочтены».

Гумилёв сказал это не просто так – к тому времени пал Хорезм, монголы вырезали в Средней Азии свыше 10 миллионов мусульман,

захватили города Хорасана, Ирана и Двуречья, часть северной Индии и гибель Ислама в Передней Азии им казалась неизбежной.

Но Аллах всегда защищал и будет защищать Свою религию, как бы кто-то не хотел уничтожить её. В 1259 году последние муджахиды отступили в Египет, правители которого решили дать бой кяфирам, несмотря на многократное численное превосходство противника.

Трудно даже вообразить себе, сколько кяфиров тогда ополчилось на религию Аллаха – франки, ослабленные, но всё равно представлявшие угрозу, восточные христиане и монголы, которые сформировали тесный союз для борьбы против мусульман. Настал момент Истины, и муджахиды обратились с мольбой к Аллаху, как когда-то взывал к Нему Пророк (мир ему и благословение Аллаха) в Бадре: *«О, Аллах, если Ты погубишь эту группу верующих, то на земле не останется никого, кто бы поклонялся Тебе!»* Силы были неравны, но что могли кяфиры противопоставить вере мусульман в Аллаха, решимости сражаться и Его помощи? Только свой численный перевес, который, как мы убедимся, может растаять в одну минуту по Воле Всемогущего Творца.

Недаром же Аллах сказал в Коране про Его врагов:

«…Ты полагаешь, что они едины, но их сердца разобщены…» (59:11).

Господь небес и земли стравил одних кяфиров с другими – и легат «папы» римского заявил о том, что отлучает от церкви всех христиан, которые перешли под власть монголов. Тамплиеры и другие крестоносцы выразили готовность дать отпор язычникам, и это не

могло не ослабить натиск монгольских орд. В то время как одни христиане сравнивали хана Хулагу с императором Константином, другие объявили ему войну.

В тот же год, когда монголы готовились к решающей битве с муджахидами, Грузия внезапно подняла бунт против баскаков, и туда в срочном порядке были высланы карательные отряды. Это выглядело странным и неожиданным для грузин, которые любили языческое иго, и вообще, всё христианское Закавказье считалось спокойным улусом Монгольской империи. Но не таким был Северный Кавказ даже в те смутные годы – убийства кочевников не прекращались на протяжении всего периода их номинального господства. Доказательством этого служит простой факт: монголы так и не смогли охватить Кавказ сетью почтовых станций.

Но что это была за сеть? Через каждые 100 километров дороги стояла почтовая станция с конюшней, для того чтобы гонец мог постоянно менять лошадей и тем самым покрывать огромные расстояния за считанные дни. Но на Кавказе эта система не прижилась по одной простой причине – слишком много почтальонов и станционных работников погибало от рук местных племён, на которых монголы не наводили такого ужаса, как на мусульман Средней Азии. А потому после нескольких провальных попыток наладить там работу этих станций, монголы решили протянуть почтовые пути в обход Северного Кавказа (многие племена которого уже исповедовали Ислам).

Но насколько были законны такие действия? Вопрос сложный, ведь один из крупнейших имамов 20-го века Мухаммад аль-Альбани говорил:

«Джихад является таковым только тогда, когда он объявлен и когда есть готовность для его ведения. При выполнении этих условий уклонение от джихада недопустимо. А что насчёт восстаний, поднимаемых отдельными лицами, пусть даже ради защиты своей земли, то это не является джихадом. Безусловно, защита мусульманских земель при натиске врага обязательна, но вылазки, которые приносят больше вреда, чем пользы, не являются тем джихадом, в который должны выступить все мусульмане… Поэтому, как мы не раз указывали, мусульмане должны образумиться, правильно понять шариат и совершать искренние, правильные дела, соответствующие закону Всевышнего Аллаха и Его религии, ибо только так они могут сплотиться. И тогда верующие возрадуются помощи Аллаха Всевышнего».

Шейх-уль-ислам Ибн Таймия сказал: «Тот, кто не может утвердить религию силой и джихадом, делает то, что ему под силу, как благой совет, обращение с мольбой за умму и стремление к добру (для себя и других мусульман). Он совершает то, что может, из благих дел, и на него не возлагается непосильное».

Но даже восстание грузин монголы смогли бы пережить, если бы Аллах не умертвил их главу, хана язычников Мункэ. Это означало съезд нового курултая, который требует присутствия всех полководцев-чингизидов, ввиду чего все планы наступления на Египет в тот год были свёрнуты. Хулагу отбыл в столицу Монголии –

Каракорум, чтобы принять участие в выборах нового великого хана, а в Палестине остался только Кит-Буга нойон с отрядом из 20 тысяч идолопоклонников и христиан.

Всевышний Аллах сказал:

«…И если бы Аллах не удерживал одних другими, то были бы разрушены кельи, церкви, синагоги и мечети, в которых часто вспоминается имя Аллаха…» (22:40). По мнению всех толкователей Корана, кроме ад-Даххака, частое упоминание имени Аллаха в этом Аяте относится только к мечетям.

И Аллах постоянно сдерживает одних кяфиров другими, не давая никому из них получить на земле полную власть. Это и Наполеон, который в битве при Ватерлоо уже отправил письмо в Париж, возвещавшее французам о победе, в то время как ему в тыл заходила прусская артиллерия. Это и Советский Союз – великая тюрьма и великое кладбище миллионов мусульман; когда его вожди уже прочили Москве роль центра «мировой коммуны», Аллах внезапно столкнул советских кяфиров лбами и погрузил всех в великую смуту на рубеже 20-21-го веков.

Понятно, что при таком положении дел монголы из захватчиков легко могли превратиться в захваченных, поэтому Кит-Буга не решился наступать на войска мамлюков. И тут Аллах унизил этих кяфиров руками других кяфиров, обрушив на них крестоносцев города Сидон, которые атаковали один из монгольских патрулей. Среди убитых был и племянник Кит-Буги нойона, решившего

жестоко отомстить франкам за эту обиду. Монголы осадили Сидон и легко взяли его, чем в конечном счёте только навредили своему и без того трудному положению.

Муджахиды тем временем развернули широкое наступление на монголов, и в 658 году по хиджре (26 июня 1260 года по григорианскому летоисчислению) армия мусульман, преодолев песчаные пустыни полуострова Синай, вошла в Палестину. В первой битве язычники и их союзники-христиане потерпели поражение, но это был только резерв монгольской армии, которая начала активные приготовления к реваншу.

3 сентября 1260 года войска мусульман и монголов сошлись возле Айн Джалюта («источника Голиафа») на севере Палестины. Все понимали, что от исхода этого сражения зависит победа либо Ислама, либо куфра, поэтому воины Аллаха и слуги Иблиса тщательно готовились к этой решающей схватке…

Но до этого произошло ещё одно событие, которое не назвать ничем иным, кроме как чудесным знамением Аллаха. Внутри Монгольской империи появился человек, порвавший с религией Чингисхана, хотя тот приходился ему родным дедом. В самый трудные для Ислама годы мусульмане получили такого союзника, о котором не могли и помышлять, – правитель Золотой Орды (улуса Джучи) хан Берке возвестил миру о том, что он принимает Ислам. Именно он выступил против Хулагу и объявил ему едва ли не открытую войну, узнав о бесчинствах кяфиров на землях мусульман.

Кроме этого, Берке сделал ход, который во многом повлиял на итог сражения при Айн Джалюте – он приказал войскам Золотой Орды перейти на сторону Египта, и те беспрекословно подчинились ему. Несколько тысяч монголов прибыли в лагерь египетского султана аль-Музаффара Сайфу-д-Дина Кутуза и именно они стали одним из её главных ударных отрядов его армии.

Берке пришёл к власти в 1257 году, после гибели своих родственников, управлявших Золотой Ордой. Те были ревностными христианами, которые поссорились с Берке именно по причине его религиозного выбора. Незадолго до смерти его племянник Сартак заявил Берке: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня – несчастье». Несчастье произошло с ним самим почти сразу после этих слов — он умер по дороге из Каракорума (аль-Джузджани утверждает, что Сартак был отравлен). Есть разные мнения о том, насколько Берке был причастен к этому событию, но я считаю, что он в любом случае имел полное право на ликвидацию одного из врагов Аллаха, державших мусульман под игом куфра.

А что касается тех монголов, которые поддержали мусульман Египта, то они уже не вернулись в родные азиатские степи. Они слились с мусульманской уммой и ушли из этого мира единобожниками (ин ша Аллах), а не теми язычниками, которыми были во времена Чингисхана и хана Бату (Батыя).

Горячее стремление мусульман к защите религии Аллаха привело к тому, что Творец миров вознаградил их победой в битве при Айн Джалюте. Остатки монгольско-христианского сброда в панике бежали

из земель Шама, и отныне оборона для них стала приоритетнее планов захвата всего мира. Кит-Буга нойон, возомнивший себя «воином Христа», попал в плен, так и не отважившись проверить смертью то, правильна ли его религия. Однако сдача в плен не принесла ему ничего, кроме позора, – не пожелав умереть в бою, он был убит по приказу Кутуза.

Ордынский хан Берке, взявший себе прозвище Баракят, присягнул на верность египетскому султану аз-Захиру Рукну-д-Дину Бейбарсу и, выдав за него свою дочь, скрепил союз двух стран, основанный прежде всего на религии. Он возвёл в Золотой Орде десятки мечетей и пригласил в её земли каирских шейхов, чтобы они обучали местных мусульман. Пройдут годы, и хан Узбек (Мухаммад) установит шариат Аллаха на всей территории Золотой Орды, казнив тех аристократов-чингизидов, которые будут против этого.

И хотя для монголов стало понятно, что мусульманские народы не дадут себя поработить, тем не менее Хулагу в припадке гнева бросил новую армию против муджахидов Шама и Египта. Полчища язычников на сей раз оккупировали сирийский город Алеппо, но ненадолго. 10 декабря 1260 года войска Бейбарса нанесли монголам новое поражение неподалёку от Хомса, города, где когда-то скончался «Меч Аллаха» Халид ибн аль-Валид. Численный перевес не помог потомкам «повелителя Вселенной», как себя окрестил хан Чингиз, победить муджахидов, и несколько тысяч уцелевших кяфиров ушли за реку Евфрат.

Ещё одну попытку реванша, на сей раз последнюю, они предприняли в 1277 году, но в сражении при Альбистане были

наголову разбиты воинами Бейбарса. В 1295 году правнук Хулагу ильхан Ирана Газан (Махмуд) перешёл в религию Аллаха, провозгласив её государственной, и этим закончилось монгольское иго на землях Ислама. (Его брат и преемник Олджадуйхан также стал мусульманином, хотя ребёнком был крещён и носил имя Николай).

В 14-м веке империя монголов окончательно рухнула, съёжившись до тех границ, откуда когда-то начался её бурный рост. Столица великих ханов — город Каракорум обезлюдел и по сей день лежит в руинах, среди которых сохранился лишь буддийский монастырь Эрдэни-Дзу. Язычники, прошедшие на конях более 60 процентов территории Евразии, вернулись в свои дикие степи, и сегодня вряд ли кто-то считает их угрозой. Враги Аллаха были унижены настолько, что вскоре после падения династии Юань китайцы сами атаковали монголов и причинили им неимоверный, баснословный ущерб. В 15 веке их судьбу повторили греки-христиане, которые некогда были самым могущественным народом Средиземноморья. В истории Ближнего Востока началась эпоха нового халифата – Османского, которая будет тянуться ещё 400 с лишним лет.

Так Аллах показал нам Свои знамения и явил Свою мощь, загнав в угол и унизив тех, кто посягал на религию, жизнь, богатства и честь миллионов мусульман.

И сегодня мы живём в те времена, когда враги Аллаха опять заняли Иерусалим и разорили Багдад, а многие мусульманские народы утопают в религиозном невежестве, грехах, влюблены в правителей-тагутов и следуют за заблудшими проповедниками. Сейчас против нас не только США и вечно проклятые сыны Израиля, но и весь

кяфирский мир одержим ненавистью к религии Аллаха, отправляя на войну тысячи своих шайтанов. Но как бы кяфиры не думали, что всё закончилось, последний рывок – и придёт конец Исламу, – Айн Джалют ещё повторится, и силы вражеского альянса отступят вновь…

Мы помним, как под ударами турок пал «Второй Рим», считавший себя вечным, мы помним крах державы огнепоклонников, чей возраст перевалил за тысячу лет. На глазах мусульман рушились империи и целые народы уходили в небытие, как это было с потомками Чингисхана в Поволжье. Мы были свидетелями рассвета и заката государств и наций, которые на их горьком опыте убедились в том, что невозможно победить Ислам; наши мечи разрубили доспехи лучших армий мира, а наконечники стрел и копий проткнули каменные сердца их вождей. Господь миров любит и охраняет нашу умму, и пока мы будем помнить о Нём, благодарить Его и подчиняться Его законам (начиная с единобожия, веры в Судный День и пятикратной молитвы), никогда ни один враг не одолеет нас. Всевышний Творец справедлив — отбирая у Его наместников власть на земле только тогда, когда они сами того заслуживают. Я не сомневаюсь в том, что религия Аллаха переживёт и США, и КНР, и другие империи кяфиров, но и мы обязаны сделать для этого (защиты и укрепления религии) всё, что можем, чтобы Аллах в Судный День щедро воздал нам за наши деяния.

«Аллах обещал тем из вас, которые уверовали и совершали праведные деяния, что Он непременно сделает их наместниками на земле, подобно тому, как Он сделал наместниками тех, кто

был до них. Он непременно одарит их возможностью исповедовать их религию, которую Он одобрил для них, и заменит им страх безопасностью. Они поклоняются Мне и не приобщают ко Мне никого и ничто» (24:55).

Конечно, я не собирался этими словами «открыть Америку» для моих братьев, это всего лишь жалкая попытка напомнить вам то, что вы и так должны знать, ещё раз извлекя уроки из забытой истории. Если вы не нашли в моём очерке ничего полезного для себя, то выкиньте его из памяти, а если что-то нашли, то попросите Аллаха о прощении моих грехов и о том, чтобы Он принял этот труд, вознаградив меня за него в этой и будущей жизни (и я прошу Аллаха, чтобы Он помиловал моего покойного брата-мусульманина).

И да благословит Аллах нашего Пророка, его семью и сподвижников.